

ЛОЛИТА МИГЕЛЬМАН

СЕВЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Лолита Мигельман

Север, который помнит

«Автор»

2026

Мигельман Л. Н.

Север, который помнит / Л. Н. Мигельман — «Автор», 2026

За Полярным кругом стоит Северная академия — закрытый мир, где способности студентов измеряют цифрой, эмоции превращают в данные, а за каждым отклонением следует пристальное наблюдение. Алиса Воронова привыкла замечать то, чего не видят другие: чужие привычки, мелкие перемены, несостыковки, которые со временем складываются в тревожную картину. Практика в архиве сводит её с Дмитрием Волковым — человеком с холодной сдержанностью и мелким злым росчерком в подписи, — и она ещё не знает, что его прошлое связано с академией теснее, чем кажется, а собственная тайна, которую он хранит годами, однажды коснётся и её напрямую.

© Мигельман Л. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Лолита Мигельман

Север, который помнит

ПРОЛОГ

Февраль 2021 года

Угол флешки упрямо, с какой-то даже назойливостью, впивался ему в рёбра. Позапрошлой ночью Дмитрий зашил её в подкладку куртки, а иглу для этого выпросил у соседа по комнате под честное слово, что у него и вправду оторвалась пуговица. Ложь была ничтожная, пустяковая, но почему-то запомнилась ему крепче, чем следовало бы. За двое суток он успел изучить каждое движение флешки под тканью и знал наперёд, когда именно она о себе напомнит. Пока он держал спину прямо, её словно и не было, но стоило ему хоть чуть-чуть ссутулиться, как острый угол тотчас упирался слева, под самые рёбра. Всего проще было бы прижать это место ладонью; но именно этого и нельзя было делать, ибо человек, который беспрестанно трогает одно и то же место на своей одежде, рано или поздно непременно возбуждает вопросы.

Пурга мела уже третьи сутки, не утихая ни на час, и по внутреннему радио время от времени раздавался усталый женский голос: проезд по автодорогам района закрыт, в городских школах объявлена активировка, выходить на открытые участки территории без крайней необходимости запрещается.

К шести часам вечера переходная труба совершенно опустела, и Дмитрий шёл по ней один. Окно с наветренной стороны занесло снегом до половины, а выше, за стеклом, снег летел вбок сплошной серой рябью, и фонари во дворе плавали в этой ряби мутными жёлтыми пятнами. Из щелей между рамами тянуло холодом, и по резиновой дорожке ползли тонкие змейки полёмки: ветер ухитрялся загонять снег даже сюда, под крышу.

Стул вахтёра стоял отодвинутым, а на столе лежал наполовину разгаданный сканворд, перечёркнутый брошенной поперёк ручкой. В шесть часов вахтёр уходил пить чай в дежурку клинического крыла и возвращался не раньше четверти седьмого. Камера под потолком глядела на турникет в дальнем конце перехода, так что середина его оставалась вне обзора; на КПП в это же самое время менялась смена. Всё это Дмитрий проверял две недели кряду, каждый вечер почти в один и тот же час, и проверял, надобно заметить, безо всякой лихорадки, даже как-то буднично. Он попросту собирал привычки этого места, так же как некогда собирал чужие показатели, то есть спокойно, не торопясь и запоминая именно то, что другим казалось сущей мелочью, не стоящей ни малейшего внимания.

Он шёл ровно, не прибавляя и не убавляя шагу, и пересчитывал про себя знакомые минуты — просто, чтобы хоть чем-то занять голову.

Навстречу ему из клинического крыла вышли двое лаборантов, в халатах, накинутых поверх свитеров, и с одинаково помятыми лицами. Дмитрий почувствовал их прежде, чем услышал шаги: от одного тянуло скукой, от другого — мелким, въедливым раздражением. Ещё прошлой зимой чужие чувства наваливались на него всей своей тяжестью, так что после встречи с двумя людьми в узком коридоре ему хотелось сесть прямо на пол и переждать. Теперь же они ложились поверх его собственного состояния лишь тонким прозрачным слоем и глубже не проникали. Техниккой «якорь», которой учили в первую же неделю в академии, он держался вот уже три года, но только этой осенью вдруг ощутил внутри опору, и ощутил почти физически. С осени же он спал по шесть часов и просыпался свежим, почти не болел и чувствовал людей ярче, точнее и дальше, чем когда-либо прежде.

Лаборанты прошли мимо, даже не взглянув на него. Им решительно ни до кого не было дела, и сегодня это было как нельзя более кстати: то, что знал Дмитрий, лежало у него под рёбрами, лежало в самом буквальном смысле, зашитое в подкладку.

Посередине трубы, у третьей от входа секции стекла, он всё-таки замедлил шаг, хотя ещё утром дал себе слово этого не делать. Неделю назад здесь ждала его Катя. После ночных замеров она сидела на трубе отопления под окном, подложив под себя его шарф: своего у неё с собой не оказалось, а батарея жгла даже сквозь джинсы. Веснушки, которые летом покрывали ей лицо до самых ушей, к февралю бледнели почти до невидимости. Обыкновенно она начинала говорить ещё издали, на ходу, перескакивая с одного на другое и сама себя перебивая, но в тот вечер отчего-то молчала. Потом повернулась к стеклу и дышала на него до тех пор, пока в морозном узор не протаяло мутное пятно величиною с ладонь, поставила пальцем две точки и медленно провела между ними линию.

— *Вот так я тебя раньше видела, — сказала она, не оборачиваясь. — От тебя ко мне шло вот такое толстое, рыжее, как верёвка у колодца. Я на лекциях щурилась, чтобы оно не лезло в конспект. Ты ещё смеялся, что я на тебя плююсь, а я плюилась не на тебя, а на неё. — Она помолчала, глядя на две точки. — А теперь смотрю и вижу просто тебя: нос, уши, дурацкую шапку. Ты не обижайся, ты и так ничего. Но её больше нет, Дим. Не то чтобы стала тоньше — нет совсем. Понимаешь? Как будто я её сама придумала.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.